

Старик, которого называли хозяином, бросил полотенце дворецкому и произнес: Он у нас еще и приспособливаться умеет, но какой в этом толк? Чего-чего, а способных детей в семье Вэй всегда хватало. Какими ресурсами он располагает, чтобы начать здесь всё сначала? Пусть спокойно посидит в тюрьме, одумается!

Старик легко усмехнулся и продолжил:

— Жизнь человеческая для него — пустой звук, додумался же! Передай ему, что, когда он выйдет, я дам ему денег. Пусть решает сам — уехать ли ему куда-нибудь и прожить так остаток дней, или попытаться заново основать дело. Считаю, что я исполнил свой отцовский долг!

И ведь он был абсолютно прав: в семье Вэй людей навалом, зачем оставлять будущим главой клана ребенка, чье имя запятнано, а дела ведутся нечисто?

Старик вздохнул, мысленно подумав: чего еще можно было ожидать от сына такой матери! Он еще слишком высоко оценивал Вэй Юньцяо. Если бы не его собственная быстрота, Вэй Юньцяо утянул бы за собой на дно весь клан!

Вэй Юньцяо стоял на коленях на холодных и твердых каменных ступенях. Он не понимал, почему снова проиграл. Хотя надежда была призрачной, он все же пришел просить помощи у старика — в конце концов, кроме этого отца, помочь ему действительно было некому. Его так называемые друзья оказались лишь завязанными на выгоде деловыми партнерами, а люди более высокого происхождения смотрели на случившееся как на грязный скандал. Его поступки оценивали не иначе как мелочные и неаккуратные, решив, что, стоило ему переступить порог богатого дома, как он возомнил себя невесть каким господином...

Услышав шаги, Вэй Юньцяо чуть приподнял голову. Перед ним стоял седовласый старый дворецкий. На лице старика застыло вежливое, участливое выражение, и, не обращая внимания на бледность Вэй Юньцяо, он произнес:

— Господину Вэю лучше вернуться. Хозяин велел передать, что после вашего выхода вам выделят сумму на первое время. Пожалуйста, берегите себя.

Господин Вэй? Вэй Юньцяо вдруг почувствовал страшную слабость: старик решил от него отказаться. Да и правда, какими рычагами он располагал, чтобы этот жесткий, волевой делец не бросил его в такую минуту? Впрочем... деньги?

Он для них — одна из тех продажных звездочек, с которыми он водился?

Деньги у него были. За последние несколько лет он никогда не испытывал в них нужды. А вот место, которого он добивался...

Вэй Юньцяо закинул голову, бросив последний взгляд наверх, а затем поднялся на ноги.

Похоже, в этой жизни у него уже не будет шанса занять это место. Как же глупо: оступился раз — и всё покатилося под откос.

Беда не приходит одна — эта фраза даже близко не описывала то плачевное положение, в котором оказался Вэй Юньцяо. Кто-кто, а Ань Чжэньчжэнь отлично знала, что из себя представляет этот мажор. Вэй Юньцяо назначил ей последнюю встречу в комнате для свиданий следственного изолятора. Побледневшая Ань Чжэньчжэнь со злости плеснула водой со стола прямо в лицо Вэй Юньцяо. Стоявшие позади полицейские оттащили ее. Ань Чжэньчжэнь отвернулась, не желая больше смотреть на Вэй Юньцяо, крепко сжала зубы и бросила всего два слова:

— Подонок.

Сказав это, Ань Чжэньчжэнь выбежала прочь. Прислонившись спиной к холодной мертвенно-бледной стене, она беззвучно заплакала. Одна из женщин-полицейских пожалела ее и протянула стакан теплой воды. Ань Чжэньчжэнь уткнулась ей в плечо и вдруг горько зарыдала, заливаясь слезами. Женщина-полицейский мягко похлопала Ань Чжэньчжэнь по плечу и произнесла:

— Хорошо, что рассталась с таким человеком, и чем раньше, тем лучше.

Ань Чжэньчжэнь все плакала, и слезы не прекращались, пока ее не начали бить судороги. На сердце у нее было тяжело. Конечно, она не любила Вэй Юньцяо, но никак не ожидала, что он способен на такое — ради сделки с ней он собирался посягнуть на невинность ребенка-инвалида.

Пожалуй, сама эта сделка изначально была аморальной, и Ань Чжэньчжэнь больше не желала платить за нее столь безнравственную и опасную цену. Что же касается Ян Минцзэ... пусть все идет как идет! В конце концов, их ведь больше ничего не связывает, верно?

Для Ян Минцзэ сказать, что Ань Чжэньчжэнь — это его жизнь, было вовсе не преувеличением. С самого детства он мечтал прожить всю жизнь с этой красивой девушкой, но никак не ожидал, что в самый трудный для него момент Ань Чжэньчжэнь уйдет к другому.

В тесной ванной комнате Ян Минцзэ снова и снова шептал:

— Чжэньчжэнь, Чжэньчжэнь...

Глаза Ян Минцзэ заволокла глухая темнота. Он не мог разглядеть лицо девушки, которую так сильно любил, и мог лишь снова и снова оглаживать ее, чтобы ощутить эту знакомую близость.

Сейчас руки Ань Чжэньчжэнь были связаны за спиной, на ней не было нитки одежды, а чья-то рука с мозолистыми подушечками скользила вверх и вниз по коже, согретой теплой водой. Открыв глаза, она увидела человека одновременно знакомого и чужого. Ян Минцзэ давно уже растерял то былое сияние, лоск и уверенность, что отличали его годы назад. Уголок его глаза пересекал мелкий ш. Словно почувствовав на себе взгляд Ань Чжэньчжэнь, он повернул голову и уставился на нее своими пустыми черными глазами, а его рука скользнула вверх по ее телу прямо до подбородка. Затем он бережно обхватил лицо Ань Чжэньчжэнь ладонями и оставил нежный до крайности поцелуй на ее гладком лбу. Хотя эта близость должна была быть до боли знакомой, Ань Чжэньчжэнь казалась себе настолько чужой, словно она никогда в жизни не знала этого человека. Ян Минцзэ почувствовал холодность Ань Чжэньчжэнь, и его лицо исказилось от свирепости. Он спрятал за спину руку со вздувшимися венами и, кривясь, с

блаженной и мечтательной улыбкой произнес:

— Чжэньчжэнь, я хочу быть с тобой вечно.

Внезапно сердце Ань Чжэньчжэнь инстинктивно почуяло опасность, и она, отчаянно сопротивляясь, закричала:

— Ян Минцзэ, что ты вообще удумал?!

— Чжэньчжэнь, ты наконец-то соизволила заговорить со мной, — вздохнул Ян Минцзэ и рассмеялся, совсем как ребенок. Затем он с тоской «посмотрел» на Ань Чжэньчжэнь, словно только что вспомнив, что ослеп, с некоторым сожалением вздохнул, выпрямился и взял с лежащего напротив стола острый и изящный канцелярский ножик.

Ян Минцзэ заставил Ань Чжэньчжэнь повернуться спиной, а затем, подняв зажатый в руке кинжал, полоснул ее по запястью. После этого он снова вжал Ань Чжэньчжэнь в ванну, погрузив ее окровавленное запястье в теплую воду.

— Говорят, так будет не слишком больно.

Ань Чжэньчжэнь всегда знала, что чувства Ян Минцзэ к ней очень сильны, но и представить не могла, что все дошло до такого болезненного безумия. Когда сознание стало покидать ее, Ань Чжэньчжэнь поняла, что здесь она, скорее всего, погибнет. На дне души шевельнулось сожаление, хотя она толком и не понимала, о чем именно жалеет.

В полицейский участок поступил звонок с сообщением о преступлении. На другом конце провода раздался голос мужчины средних лет:

— Я тут видел слепца, который опоил какую-то молодую девушку и затащил ее в такси...

Услышав описание, женщина-полицейский сразу вспомнила Ань Чжэньчжэнь, с которой виделась пару дней назад. В душе она посочувствовала тому, как сильно не везет Ань Чжэньчжэнь, и одновременно связалась с коллегами, отдавая приказ о выезде.

Ань Чжэньчжэнь пришла в себя уже в больнице. Переодетая в гражданское женщина-полицейский сидела рядом, составляя ей компанию. Поморгав, Ань Чжэньчжэнь опустила взгляд на собственные перевязанные руки и горько усмехнулась. Подняв голову, она от всего сердца поблагодарила собеседницу. Во время допроса она отвечала честно, испытывая не столько неловкость, сколько глубокую печаль.

Женщина посмотрела на Ань Чжэньчжэнь со смесью жалости и сочувствия. Ань Чжэньчжэнь было чуть за двадцать, и поначалу это была свежая, цветущая красавица, но теперь она выглядела истощенной, словно бледный призрак с размазанным макияжем. Какая несчастная, — вздохнула женщина-полицейский.

Ян Минцзэ, не пробывший на свободе и года после выхода из тюрьмы, снова угодил за решетку, и на этот раз старик Ян решил окончательно отречься от этого отпрыска. Разве событий прошлых лет было недостаточно? Теперь он даже дошел до изнасилования и убийства! Какое позорище для семьи. Лучше взглянуть на свою молодую, красивую жену и маленьких детей рядом — пожалуй, стоит вырастить нового ребенка с самого нуля, тем более что Ян Минцзэ давно конченный человек.

Хэ Юньчжэн отпер дверь. На пороге стоял курьер в красной куртке. Он протянул Хэ Юньчжэню пакет, а затем достал бланк, попросив расписаться в получении.

— До свидания.

На столе уже красовалось несколько упаковок с едой навынос: гамбургеры, пицца, пельмени, жареный рис... Хэ Юньчжэн повернулся и поставил пиццу на стол в гостиной. В этот момент Ци Сююань как раз возвращался снаружи. Заметив на столе еду, он на мгновение замер, а придя в себя, удивленно произнес:

— Ты же вроде не любишь заказывать готовую еду на дом?

Хэ Юньчжэн приподнял бровь:

— Тебе купил.

Никто не знал, что тем самым мужчиной средних лет, анонимно сообщившим в полицию о преступлении, был тот самый курьер, что только что доставлял заказ. Чтобы избежать любой осечки, Хэ Юньчжэн заказал больше десятка порций еды навынос...

Вэй Юньцяо и Ян Минцзэ оба провели время в тюрьме отвратительно. Один — заносчивый мажор, привыкший помыкать другими, второй — мужчина, пытавшийся изнасиловать женщину. Нетрудно догадаться, сколько презрительных взглядов им пришлось на себе испытать.

Значительная часть обитателей тюрьмы угодила за решетку именно по вине людей подобного сорта. Ян Минцзэ целыми днями в полубезумном состоянии звал Ань Чжэньчжэнь, не сопротивляясь ударам и безропотно снося оскорбления. Вэй Юньцяо, напротив, пытался бунтовать, но разве может один человек противостоять десятку противников?

Спустя несколько лет оба вышли на свободу. Ян Минцзэ отец сразу же отправил в психиатрическую больницу: едва выбравшись из одной тюремной камеры, он тут же угодил в другую, и всякий раз, когда он иступленно принимался звать Ань Чжэньчжэнь, ему неизменно вкалывали успокоительное.

Вэй Юньцяо же полностью оправдывал звание главного героя: даже после нескольких лет тюремной закалки он не утратил боевой дух. Растратив весь свой капитал в мире бизнеса, он заявился в особняк Вэй и, проглотив унижение, принял из рук Вэй Хао обещанные стариком деньги, чтобы продолжить борьбу.

Мир развивался стремительно, и за те несколько лет Вэй Юньцяо упустил не только возможности и саму жизнь — его кругозор безнадежно отстала от эпохи, сделавшись узким и предвзятым. Даже когда ему выпадали шансы, удержать их он был не в силах, лишь заставляя разочаровываться тех, кто хотел ему помочь. После нескольких неудачных инвестиций он, погрязнув в долгах, тихо сошел со сцены. Хэ Юньчжэн и Ци Сююань совершили каминг-аут еще несколько лет назад. Какое-то время это шокировало окружающих: никто и подумать не мог, что два любимца небес окажутся гомосексуальной парой. После признания они по-прежнему жили тихой, уединенной жизнью за закрытыми дверями, а на работе ничем не отличались от прежних себя. Хэ Юньчжэн никогда не обсуждал с людьми личные дела, не касающиеся работы. Ци Сююань тоже никогда не говорил о личной жизни Хэ Юньчжэня и тем более не распространялся об их совместной с Хэ Юньчжэнем жизни. Со временем все перестали обращать внимание на приватные дела этих двоих.

В конце концов, волнует ли кого-то, любят они мужчин или женщин — в конце концов, они всего лишь ведут друг с другом деловые дела.

Многие и представить не могли, что эти двое проведут вместе всю жизнь, даже сам Хэ Юньчжэн об этом не думал. На самом закате жизни Ци Сююань, никогда в жизни не веривший ни в каких бессмертных и Будд, лежа на больничной койке, сжал руку Хэ Юньчжэня и спросил: Как думаешь, есть ли у человека загробная жизнь?

Половина жизни уже позади, а глаза Хэ Юньчжэня все так же чисты, как вода, и в них четко видны черное и белое. Лишь рядом с этим привычным спутником жизни на его лице проступало немного нежности. Он крепко сжал руку партнера и ответил: Будет.

Ци Сююань улыбнулся, словно оставшись доволен. В этот самый момент приборы у больничной койки издали долгий пронзительный писк — Ци Сююань закрыл глаза, и почти одновременно с этим Хэ Юньчжэн перестал дышать.

Стоявший неподалеку молодой человек лет двадцати посмотрел на их переплетенные руки и позвал: Папа. Рядом с ним жена прикрыла рот рукой и глухо заплакала.

Когда Хэ Юньчжэн снова открыл глаза, он уже находился в просторном металлическом помещении. Его душа навсегда осталась в облике молодого человека двадцати с небольшим лет. В этом самом возрасте коса смерти оборвала его жизненную нить, и он слился воедино с Системой 001, встав на путь бесконечной череды перерождений, выполнения миссий и контратак.

Он не обманывал и не утешал Ци Сююаня: в этом мире действительно существовало перерождение. Иначе как бы он снова открыл глаза, и к чему тогда вообще вся эта так называемая энергия души?

Побыв какое-то время в растерянности и задумчивости, он вновь обрел холодный и ясный взгляд, после чего холодно усмехнулся: С чего это мне быть гомосексуалистом! По правде говоря, прошлая жизнь Хэ Юньчжэня была упорядоченной и безупречной, словно работа точного механизма. В его жизни никогда не было ни мужчин, ни женщин, и подобных планов он тоже не строил. Ему не нужен был никто, кто мог бы нарушить его привычный уклад, однако в этой жизни он, судя по всему, проявил излишнюю мягкосердечность.

Система, передай все открытые данные! Массивы информации с огромной скоростью помчались по каналам Системы и в мгновение ока достигли сознания Хэ Юньчжэня. После слияния с Системой эти данные, естественно, поступали в его полное распоряжение, однако

при недостатке энергии некоторые базы данных Системы оставались закрытыми. Лишь завершив на этот раз задание и получив порцию энергии, Хэ Юньчжэн смог открыть хранилища целиком, хотя ради экономии энергии он все же не стал задействовать дополнительные функции Системы.

Теперь польза от Системы была не больше, чем от гигантской библиотеки, но нынешнему Хэ Юньчжэну этого вполне хватало.

Закрыв глаза, Хэ Юньчжэн приводил в порядок хлынувшие в голову сведения, а через несколько секунд открыл их. В его глазах застыл почти осязаемый холод.

Система как Главный бог первого поколения, бесспорно, была создана будущими исследователями из лучших материалов, однако имела и очевидный изъян.

В истории человечества будущего произошло восстание роботов. Человеческое общество одержало пиррову победу, и с тех пор люди перестали доверять роботам так, как прежде, а также перестали наделять эти машины, чей интеллект намного превосходил человеческий, одновременно рассудком и подлинными эмоциями. Но роботы без чувств — это всего лишь продвинутые компьютеры, и изъяны, порожденные эмоциональной неполноценностью, оказались куда серьезнее, чем предполагали люди. По крайней мере, они не могли самостоятельно справляться с миссиями по контратаке пушечного мяса и собирать необходимую им энергию. Именно поэтому запущенным в пространство Главным богам требовались носители. Однако далеко не каждый Главный бог мог отыскать подходящего носителя — как, например, некогда сам Системы.

Чтобы Система не превратилась в груды мусора из-за нехватки энергии, при ее создании в программный код были заложены две программы: план А и план Б. План А, разумеется, заключался в поиске носителя, которому выделялась часть энергии души, позволяя тому в определенной степени достичь бессмертия, чтобы затем в бесконечных перерождениях непрерывно совершать скачки сквозь миры, выполнять задания и захватывать ореол главного героя.

План Б же разрешал Системе при падении уровня энергии ниже 0,5% перенаправлять остатки энергии на вселение в физическую оболочку персонажа пушечного мяса и самостоятельное прохождение заданий. Однако из-за высокого уровня искусственного интеллекта и неразвитости эмоциональной сферы Системы считалось по умолчанию, что она будет подвержена влиянию чувств и убеждений носителя. И влияние это составляло ровно пять процентов — ни много ни мало. Именно поэтому Хэ Юньчжэн в своё время незаметно для себя и стал геем. Подумав об этом, Хэ Юньчжэн кивнул: он вовсе не желал и дальше терпеть подобный контроль. Продолжив листать, Хэ Юньчжэн нахмурился: это воздействие можно было снять, но задача предстояла крайне сложная...

Требовалось, чтобы общая энергия Системы достигла определённого уровня, тогда эмоциональный модуль активировался бы автоматически. Точного значения необходимой энергии в описании не приводилось.

Именно в этом крылась причина столь излюбленного в легендах тропа, когда Система, накопив избыток энергии, со временем уничтожала своего хозяина и превращалась в главного злодея. Нельзя было не признать: это ловушка, предельно очевидная ловушка. Судя по всевозможным записям и предположениям, построенным 001, эмоциональный модуль Системы в подобных обстоятельствах явно был неполноценным. Она слепо и одержимо гналась за энергией, не

колеблясь калечить собственных исполнителей и тем самым рубя сук, на котором сидела.

Хэ Юньчжэн поднялся с кресла и подошёл к главному терминалу. Его пальцы замелькали над клавиатурой, на экране заструились зелёные строки текста и цифр, и вскоре на мониторе появилась полоса загрузки.

— Подтвердить удаление эмоционального модуля!

Да! Дождавшись, когда комната полностью залилась алым светом, Хэ Юньчжэн нажал на кнопку.

— Выполняется удаление, — раздался лишённый всяких эмоций женский голос.

Индикатор выполнения показывал: осталось 98%, 80%, 40%, 0% — удаление завершено!

— Тревога! Недостаточно энергии Системы! — едва не успевший запуститься эмоциональный модуль был успешно стёрт, однако Система вновь выдала предупреждение о нехватке энергии. Знакомый багровый свет заполнил всю комнату, и, когда накатила привычная волна головокружения, Хэ Юньчжэн закрыл глаза.

Холод волной накатил на тело, и Хэ Юньчжэн инстинктивно вздрогнул. До слуха донёсся мерный стук каблуков. Открыв глаза, он увидел перед собой длинноволосую девушку в алом платье. Ее яркий, дерзкий образ совершенно не вязался с массивными черными очками в толстой оправе на переносице, длинные ресницы которых почти касались стёкол.

— Брат, как ты себя чувствуешь? — девушка сняла с головы Хэ Юньчжэна влажное полотенце, проверила его температуру и нахмурилась: — Дай мне градусник.

Хэ Юньчжэн достал градусник из-под мышки, и девушка тут же взяла его, поднеся прямо к глазам — стёкла очков едва ли не соприкасались со шкалой. Ее лицо было настолько серьёзным, будто она изучала сложнейшую научную проблему. Погодя... она всё равно ничего не поняла.

Слегка смутившись, девушка протянула градусник обратно:

— Брат, и что здесь?

Хэ Юньчжэн взглянул на шкалу:

— Температура уже пришла в норму. — Помолчав, добавил: — Сегодня закажем доставку.

— А! — девушка растерялась. — Я хотела приготовить тебе поесть... — Вспомнив что-то, она осеклась на полуслове и замолчала. Этот девочка — младшая сестра Хэ Юньчжэня в его нынешнем воплощении. У Хэ Юньчжэня были крайне безответственные родители, которые после всего нескольких дней знакомства страстно заключили стремительный брак. Однако совместная жизнь оказалась вовсе не такой пылкой и романтической, как они себе воображали, и с утра до ночи супруги только и делали, что ругались из-за бытовых мелочей. После рождения младшей сестры Хэ Юньчжэня, Хэ Юйсинь, эти противоречия достигли пика: оба они не желали возвращаться домой и видеть друг друга. У матери Хэ появился новый бойфренд, а отец Хэ почти каждый день ночевал на работе, засиживаясь сверхурочно.

Мать Хэ перестала уделять Хэ Юйсинь хоть какое-то внимание сразу после того, как девочке исполнилось годик, а отец и вовсе был донельзя безалаберным — его участие ограничивалось лишь тем, что он исправно выдавал деньги Хэ Юньчжэню. Самому Хэ Юньчжэню в ту пору было всего восемь лет, и он каждый день кормил Хэ Юйсинь молочной смесью, стирал её одежду, менял подгузники... Можно сказать, что Хэ Юйсинь выросла на руках у Хэ Юньчжэня. И Хэ Юньчжэнь, оправдав все ожидания, превратился в заядлого брата-опекуна, который лелеял Хэ Юйсинь так, будто она была его собственной дочерью. Повзрослев, Хэ Юйсинь стала безмерно зависеть от своего старшего брата. Она искренне верила, что брат способен решить любые проблемы, что он — настоящий супергерой. Несколько лет спустя, в возрасте двадцати лет, Хэ Юйсинь завязала роман с неким Ли Цуном. Ли Цун был типичным бабником и волокитой, который без малейших колебаний бросил Хэ Юйсинь, стоило ему встретить женщину еще красивее. Хэ Юйсинь охватила ярость, ее переполняла обида. Она не могла смириться с ветреностью Ли Цуна и терпеть не могла Бай Юйтун. Девочка стала умолять брата помочь ей увести ту самую разлучницу, но Хэ Юйчжэн, разумеется, отказался.

Однако злая судьба то и дело норовила подставить подножку. В дождливый день Бай Юйтун повстречала мужчину в темно-синей толстовке. словно в какой-нибудь сказке, она влюбилась в него без памяти, безжалостно отвергла Ли Цун, который увивался за ней по пятам, и сама страстно принялась добиваться этого незнакомца.

Этим мужчиной оказался Хэ Юйчжэн. Он не испытывал к Бай Юйтун никаких чувств — точнее говоря, он вообще был равнодушен к женщинам. Но как мужчина, пока Бай Юйтун прямо не призналась ему в любви, он просто не мог ее отшить. В этом и заключался расчетливый ум Бай Юйтун: как гласит народная мудрость, завоевать мужчину женщине — все равно что перешагнуть через тончайшую вуаль. Она твердо верила, что ее собственное очарование непременно покорит этого мужчину.

Спустя три месяца Хэ Юйчжэн внезапно исчез, словно испарился с лица земли. Потеря любимого человека подкосила Бай Юйтун: из-за терзавшей ее скорби она сутками напролет ходила словно пьяная, не различая дня и ночи. Однажды после бурного застолья ее вырвало прямо на какого-то мужчину прямо посреди улицы. Одурманенная алкоголем Бай Юйтун приняла незнакомца за Хэ Юйчжэня и, уцепившись за него мертвой хваткой, увязалась за ним к нему домой.